

УДК 81'42

СВЕРХТЕКСТ КАК ЭКСПЛИКАТОР МЕНТАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Иванова Л.П.

В русле современной антропоцентрической парадигмы проблемы национальной ментальности и культуры становятся особенно *актуальными*. Одной из недостаточно исследованных категорий когнитивной лингвистики является ментальное пространство (отметим, что Ю.С. Степанов говорит о пространстве мысли, что, на наш взгляд, не то же самое).

Постановка проблемы. Прежде чем дать характеристику ментальному пространству, определимся с составляющими его понятиями.

В.В. Колесов описывает становление понятия ментальность следующим образом: «Латинский корень *mens* (в родительном падеже *mentis*) сохранил много значений, метонимически растущих одно из другого по смежности смысла. Так оно, видимо, и происходило в движении мысли: 'рассудок' > 'ум', (но не 'разум', не 'мудрость') > 'мышление' вообще, а значит, и > 'образ мыслей', откуда уже > 'настроение' > т.е. 'душевный склад', который и обозначен как > 'душа'. Первый круг в развитии идеи завершен, и внутренняя форма слова (исходный образ) раскрылась в одном направлении» [4, с.11]. По мнению ученого, параллельно развивается идея волевой энергии мыслительной деятельности, воспринятая народами Западной Европы. В Восточной Европе победила первая ветвь -- духовность.

Мы не ставим перед собой задачу осуществить детальный анализ всех точек зрения на понятие ментальности, поэтому принимаем наиболее широкое, обобщающее практически все мнения: «Ментальность – совокупность мыслительных процессов, включающих построение особой картины мира» [6, с.15]. Или более конкретно: ментальность – «миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [4, с.15].

В интересующем нас аспекте основные единицы ментальности – концепты, ключевые слова культуры, прецедентные тексты и прецедентные имена, прецедентные события и само ментальное пространство.

В последнее время концепты весьма активно изучаются представителями различных направлений языкознания, литература по данной проблеме исчисляется многими сотнями именованных. Мы не ставим перед собой невыполнимую задачу анализировать все точки зрения, а ограничимся перечислением, вслед за Н.Д. Арутюновой, Н.А. Аскольдовым, С.Г. Воркачевым, Е.С. Кубряковой, Ю.С. Степановым, основных свойств концепта: 1) свернутые знания человека о мире; 2) набор смыслов, которыми оперирует человек в процессе ментальной деятельности; 3) концепт – единица коллективного знания, имеющая языковое выражение и этнокультурную специфику; 4) концепты – ментальные сущности, которые имеют имя в

языке и отражают культурно-национальное представление человека о мире; 5) концепт несет в себе эмоциональную информацию и представляется словом или (в редких случаях) фразеологической единицей [2, с.4].

Концепту соположено ключевое слово культуры. Эти слова, согласно мнению ученых (А. Вежбицкая, Е.Г. Ростова, О.Е. Фролова и др.), обладают следующими признаками: 1) известность и представленность в сознании носителей языка и культуры; 2) высокая смысловая нагруженность; 3) способность вызывать культурные ассоциации у носителей данного языка; 4) способность к переносному употреблению в речи; 5) А. Вежбицкая вводит еще один критерий – частотность [1, с.36; 2, с.4].

Формальная единица культуры – текст. Как справедливо подчеркивал Л.Н. Мурзин, «культура «разлагается» на тексты, состоит из текстов, хотя качественно и не сводится к ним» [7, с.165]. Причем под текстом понимается не только вербальное произведение, но и артефакт (самовар, матрешка – для русских, юрта – для казахов и т.п.). В состав ментального пространства входит не всякий текст, а только прецедентный.

К числу прецедентных текстов, вслед за В.В. Красных, относим произведения художественной литературы («Евгений Онегин», «Война и мир»), тексты песен, рекламы, политические публицистические тексты и т.д. [5, с. 47-48].

Основные характеристики прецедентных текстов: 1) яркий национально-культурный колорит, хотя прецедентный текст может заимствоваться, становясь достоянием другой культуры или цивилизации вообще; 2) уровень культуры и образованности людей даже в рамках одного этноса может очень различаться, однако, подобно концепту, прецедентный текст остается таковым вне зависимости от того, известен он или не известен отдельным индивидам. Песни времен Великой Отечественной войны для нашего времени обладают прецедентностью.

Прецедентный текст связан с прецедентным именем – свернутым национально-культурным текстом, функционирующим как в рамках своей культуры, так и способным к переходу в другую культуру вследствие заимствования. Прецедентное имя, как и прецедентный текст, влечет за собой множество ассоциаций (см., например, словарь Е.С. Отина), он способен к перекодировке различными видами искусства. Каждая культура обладает специфическим набором прецедентных имен, некоторые могут заимствоваться, функционируя в рамках той или иной цивилизации.

Так, например, для студентов-филологов (русистов, украинистов) наиболее часто упоминаемым заимствованным антропонимом оказался Шекспир и его главные герои – Гамлет, Ромео, Джульетта. Среди нарицательных заимствованных имен в качестве примера можно привести слово «джигит», утвердившееся в русском, украинском и других языках.

Последний конститuent ментального пространства – прецедентное событие. Это важнейшее событие в жизни народа, повлекшее за собой значительные последствия и получившее поэтому многочисленные интерпретации в различных видах искусства, например, Великая Отечественная война для советского народа.

Обратимся к ментальному пространству.

Пространство характеризует протяженность мира, его структурность. Пространство, как отмечают лингвисты (В.А. Маслова, Е.С. Яковлева, О.Н. Селиверстова и др.), многолико репрезентировано в языке, сознании, культуре, мифологии языковой личности.

В работе «Пространство и текст» В.Н.Топоров пишет о двух пониманиях пространства – по Ньютону и по Лейбницу. В первом случае пространство – «нечто первичное, самодостаточное, независимое от материи и не определяемое материальными объектами, в нем находящимися»; во втором случае пространство – «нечто относительное, зависящее от находящихся в нем объектов, определяемое порядком существования».

О.Н.Селиверстова определяет пространство с языковой точки зрения: «Пространство, отображенное в языке, можно истолковать как нечто, в рамках чего может находиться объект (элемент) или иметь место действие или событие» [9, с.10].

Эту идею развивает Е.С. Яковлева: «...картина пространства в русском языковом сознании не сводима ни к какому физико-геометрическому прообразу: пространство не является простымместилищем объектов, а скорее наоборот – конституируется ими и в этом смысле оно вторично по отношению к объектам» [12, с.20-21].

Таким образом, для нас ментальное пространство – пространство, сориентированное категориями реального и художественного пространства – времени и ограниченное вмещающими его концептами, ключевыми именами культуры (А. Вежбицкая), прецедентными текстами, именами, событиями (Л.П. Иванова, Л.Н. Мурзин, В.В. Красных).

Опираясь на сказанное, можно говорить о ментальном пространстве, проявляющемся, прежде всего, в художественных текстах. С другой стороны, поскольку оно связано с языковой картиной мира, возможно изучение ментального пространства индивида – народа – цивилизации [3].

Последний аспект изучения ментального пространства позволяет рассматривать его как категорию динамическую, так как и человек, и народ, и цивилизация обязательно развиваются, изменяются, и это непременно скажется на ментальном пространстве.

Помимо объема, способна к изменению его конфигурация: не во всяком тексте упоминаются прецедентные события, персонажи не обязательно несут коннотативные имена, создающие ассоциации с прецедентными именами и т.п.

В качестве примера рассмотрим ментальное пространство песен Великой Отечественной войны, рассматриваемых нами как сверхтекст, под которым, вслед за Н.А. Купиной, Г.В. Битенской, Н.В. Данилевской, понимаем «...совокупность высказываний или текстов, объединенных содержательно и ситуативно. Это целостное образование, единство которого зиждется на тематической и моральной общности входящих в него единиц (текстов). Сверхтекст ограничен во времени и пространстве; как целостная речевая единица, имеет коммуникативные полюсы – автора и адресата... Сверхтекст является единицей культуры и понятием лингвокультурологии» [10, с.374].

Песни времен Великой Отечественной войны считаем сверхтекстом потому, что они четко ограничены хронологически (1941-1945 гг.) и тематически – сражающийся воин и ждущие его в тылу. В самих песнях реализуется художественное время.

Материалом для анализа послужил сборник, составленный А. Тищенко («Песни военных лет», М., 1989), в который вошли песни «Священная война» А. Александрова и В. Лебедева-Кумача, «Враги сожгли родную хату» М. Блантера и М. Исаковского, «Темная ночь» Н. Богословского и В. Агапова и др.

Песни времен Великой Отечественной войны представляют собой мощный пласт советской культуры. Несмотря на то, что все они написаны на русском языке, песни пели представители всех национальностей во всех уголках Советского Союза, да и

сегодня они затрагивают лучшие струны души людей разных поколений. Свидетельством тому является то искреннее удовольствие артистов, их исполняющих во время празднования Победы и в День Защитника Отечества, а с другой стороны, лица людей, эти песни слушающих и от души подпевающих.

Перечислим (из-за ограниченности объема статьи не имеем возможности их характеризовать) конститuentы ментального пространства песен времен Великой Отечественной войны.

1. Пространство (100% песен). Указываются как конкретные топонимы (Москва, Севастополь, Рыбачий, Болгария, берег турецкий и т.п.), так и более абстрактные (в краю родном, за туманами, посреди степей и т.п.).

2. Война (100% песен). Она характеризуется как смертный бой, суровый и дальний поход, смерть в огне, в дыму и т.п.

3. Воин (86,8% песен). Обращает на себя внимание то, что не приводятся воинские звания, т.е. в песнях отобразены дружеские отношения сражающихся (боец, друзья, герой, партизаны, товарищи мои и т.п.).

4. Время (86,8%) обозначается как конкретно (я шел к тебе четыре года, заглянул на часок), так и опосредованно (время сумрака туманного, припомнить ту весну и т.п.).

5. Тропы (образы) – 86,8%. Наиболее распространены антитезы (до тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага; Хотел я выпить за здоровье, А должен пить за упокой), за ними следуют символы (Дороги, ворон кружит), олицетворения (смерть не страшна, с ней не раз мы встречались в степи, Вот и сейчас надо мною она кружится), метонимия (пусть свято хранит мой камень-гранит, он русскою кровью омыт).

6. Родина (73,3%) характеризуется как Советский Союз в целом (Союз большой, Советская наша Родина, родная навеки страна и т.д.), так и конкретными топонимами (Москва, Россия, Рыбачий и т.п.), а также локализуется отдельными ее частями (берег родной, улица, девичье окошко, ступеньки крыльца и т.п.). Родина сопровождается эпитетами родная, родимая, милая, любимая, т.е. так обычно характеризуют любимую женщину. Наблюдаются случаи олицетворения (Не было большего долга, Чем выполнить волю твою; С твоею суровой и ясной, С твоею завидной судьбой).

7. С той же частотностью, что и Родина, упоминается Любимая (73,3%). Ждет бойца мать (мать сыночка ждет), жена, и детская кроватка становится оберегом (ты меня ждешь и у детской кроватки не спишь, и поэтому, знаю, со мной Ничего не случится), девушка, подруга. Ни разу не приводится целостный образ, упоминаются глаза, губы, руки. Практически нет антропонимов, лишь один раз упоминается погибшая жена Прасковья.

8. Эмоции и чувства (73,3%) бойца, но не любимой: негасимая любовь, с болью в сердце говорил и т.п.

9. Артефакты (66,7%): гармоника, шляпка, корабль, винтовка, платок голубой и т.п.

10. Враг (40%). Представлен как существительными (Враги сожгли родную хату. Насильники, грабители, мучители людей), так и прилагательными (самолеты вражеские, фашистская сила темная).

11. Природа (40%) представлена как природными явлениями (снега и снега, вьюге назло, грозный, соленый, бушующий вал), так и деревьями (сосны, березы) и птицами (чайки, перелетные птицы).

12. Цель сражения (26%) для воинов очевидна, поэтому она упоминается сравнительно редко (за Советскую Родину, за родной огонек; Боремся за свет и мир, Они – за царство тьмы).

Выводы. Таким образом, ментальное пространство песен Великой Отечественной войны образуют 12 конститuentов – концептов/ключевых слов, а также 3 прецедентных имени – Москва, Кремль, Крым.

На базе анализа соответствующим образом подобранных текстов и сверткестов возможно изучение ментального пространства индивида, социума, народа на определенном этапе их развития.

Список литературы

1. Везбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М., 2001.
2. Иванова Л.П. Кавказ в русском языковом сознании XIX-XX столетий. – К., 2004.
3. Иванова Л.П. Феномены ментального пространства индивида, народа, цивилизации // Актуальні проблеми менталінгвістики: Зб. наук. статей за матеріалами IV Міжнародної наукової конференції. – Черкаси, 2005.
4. Колесов В.В. Язык и ментальность. – СПб, 2004.
5. Красных В.В. Этнолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М., 2002.
6. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. – М., 2004.
7. Мурзин Л.Н. Язык, текст и культура // Человек – текст – культура. – Екатеринбург, 1994.
8. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. – Донецк, 2004.
9. Селиверстова О.Н. Контрастивная синтаксическая семантика / Опыт описания. – М., 1989.
10. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – М., 2003.
11. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура – М., 1983.
12. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М., 1994

Поступила в редакцию 24.01.2006 г.